

Фаза 1: что растёт на грядке печали

~~~

Ничто из того, что делает нас людьми, не является материальным. Все это знают, но это мало утешает мою душу в рассыпающейся оболочке.

Стеклянный лифт поднимает нас на верхний этаж новой региональной больницы Кларис. С ее высоты открывается вид на западную границу города, где между нами и нетронутыми лесами расцвело поле диких цветов. С такой высоты и расстояния их формы и цвета сливаются в ковер разноцветной пены, слегка колышущейся от ветра на волнах зеленого моря.

Я не очень люблю цветы. О, сейчас они представляют собой прекрасную картину, но через мгновение они завянут, умрут и останутся гнилой коричневой шелухой. Цветы прекрасны, потому что они увядают. Люди, которые хотят казаться мудрыми, иногда говорят такие вещи, но это все чушь. Они прекрасны сейчас. Они будут прекрасны, если останутся такими навсегда.

Если бы эти люди сами увядали, они бы со мной согласились.

Вскоре лифт останавливается с тихим гудком, а за его дверями открывается широкий коридор. Папа вышел, неся с собой две сумки моего багажа, а я последовала за ним.

Я никогда раньше не была на седьмом этаже. Надо отдать им должное, они проделали хорошую работу, постаравшись сделать его похожим на жилое помещение. В коридоре достаточно светло от мягкого рассеянного света – перед нами открылось большое пространство, которое больше похоже на элитную гостиную, чем на больницу: стены в земляных тонах, высокий потолок из деревянных панелей, круглые столы, окруженные мягкими сиденьями. Вдоль высоких широких окон расставлены горшки с растениями, а в воздухе чувствуется сильный запах мяты. Единственный признак того, где мы находимся, – квадратный стол в одном из углов, служащий постом медсестры.

Некоторые из сидящих в комнате людей, в основном жильцы и медсестры, подняли глаза, чтобы посмотреть, как мы входим.

В таком-то возрасте? Бедняжка...

Никто из них не произнес этого, не было ни одного слова, но в их глазах явно читается это. Я уже достаточно прочувствовала на себе такие взгляды, чтобы понять это теперь.

— Ах, это Лиадэйн? Нам только что сообщили, что вы скоро придете, — к нам подошла одна из медсестер, чтобы поприветствовать нас. — А вы, должно быть?...

— Да, ее отец, — подтвердил папа, — Албан Шил. Приятно познакомиться.

Медсестра бросила беглый взгляд на него и на меня, когда он протянул руку, чтобы поздороваться с ней. Мы совсем не похожи. Видимо, я больше похожа на свою мать.

После недолгой неловкой беседы она повела нас по коридору в мою новую палату.

— Ну! Здесь неплохо, да, Лия? — сказал папа притворно легким и непринужденным тоном.

Как и гостиная снаружи, ее обстановка спокойная и уютная, только одна вещь выбивается из общего фона. Застеленная не стерильными белыми простынями, а мягким голубым одеялом с простым ромбовидным узором, кровать была установлена на той же тонкой раме на колесиках, с подносом, стальной капельницей и пультом дистанционного управления на одной стороне, как и те кровати, что стоят на нижних этажах. По крайней мере, здесь только одна кровать. В каждой палате на этом этаже проживает только один пациент, что немного облегчает ситуацию по сравнению с некоторыми из моих последних пребываний.

— Тебе нужна помощь в обустройстве? — спросил папа.

— Нет, все в порядке. Просто положи все сюда, в угол. Я попрошу кого-нибудь из медсестер, если что-то понадобится.

— А. Тогда я оставляю все на твое усмотрение, — он бесстрастно кивнул, оставил сумки и отошел назад, встав в дверном проеме. Он молча осматривает комнату, пока я копаюсь в своих вещах. На плотно сложенной куче моих платьев улыбалась круглая розовая мордочка Пёрл, моего плюшевого аксолотля. По крайней мере, один друг все еще поддерживает меня после всего этого.

— Я зайду завтра после работы, чтобы посмотреть, как ты здесь освоилась, — соврал папа. — Береги себя, хорошо?

Мне нечего на это ответить. Он изо всех сил старается вести себя так, будто я отправляюсь в увлекательную поездку, но мне не нужно просить его прекратить это. Он скоро снова уйдет.

— Хорошо. Тогда я пойду, — его бодрые шаги быстро стихают вдали.

— Просто позвони, если тебе что-нибудь понадобится, хорошо? Мы покажем тебе все позже, когда почувствуешь себя лучше, — медсестра выскользнула вслед за ним, аккуратно закрыв за собой дверь.

Я ждала, чтобы расплакаться; сглатывала свою боль так долго, как только могла, и перестала сдерживать себя, как только снова осталась одна. Я положила Пёрл рядом с сумкой, подальше от моих слез.

Восемь месяцев прошло с тех пор, как я в последний раз покидала это место. Благодаря стараниям современной медицины я прожила еще восемь месяцев в этом мире, хотя толку от этого. Этого времени хватило, чтобы о моем тринадцатом дне рождения забыли мои некогда друзья. А может, и не забыли. Может быть, все они просто решили представить, что живут в мире, где таких ситуаций, как эта, таких как я, просто не существуют. Впрочем, это уже неважно, правда. Они будут продолжать жить своей жизнью. Они найдут новых и более лучших друзей, пока я не стану лишь грустным воспоминанием.

А я, что насчет меня? Я не уверена, была ли у меня вообще жизнь. Большую часть этих лет я провела в больнице и за ее пределами, терпя боль, пока врачи старались тянули время, чтобы не дать моей же крови сожрать меня. А теперь, в конце концов, они сдались. Две неудачные трансплантации – это большее, что могло выдержать мое тело.

Теперь мне остается только умереть.

~~~

Первое, о чем спросили здешние врачи, когда моя прежняя медицинская команда передала меня в паллиативное[1] отделение, – как я отношусь к тому, чтобы стать подопытным для какого-либо экспериментального лекарства, которое они придумают. Они прямо так не выразились, но именно это они и имели в виду. Существует только одно лекарство от того, чем я больна, и оно только что подвело меня во второй раз. Все, что остается, это спасительные[2] препараты, последняя надежда. Они могут облегчить то, что осталось от моей жизни, они могут убить меня раньше времени, они могут даже сработать. Чудеса, конечно, случаются, но только не со мной.

Седьмой этаж предназначен только для умирающих, но ничто не обязывает меня обещать умереть, чтобы остаться здесь. Большинство пациентов выбирают самый легкий медицинский план из возможных, который позволит им двигаться и получать наибольшую отдачу от своих последних дней. Мне нечего терять и ничего не хочется делать, кроме как жить, поэтому я сказала им испробовать все, что можно.

Я очень часто жалею об этом. Лучшее, что они придумали, – это как-то замедлить симптомы и не дать им внезапно ухудшиться. Три дня в неделю в течение первых двух часов утра я жду, пока в мои вены капает прозрачный раствор с названием, которое я не могу произнести. К тому времени, как все заканчивается, меня мучает головокружение, дрожь и тошнота, и так почти весь день.

Я гадаю, зачем я напрягаюсь по утрам. Зачем подвергаю себя через все это ради тела, которое мешает и причиняет мне боль каждый день моей жизни, если это совсем не помогает? Если в данный момент мне кажется, что от этого становится только хуже?

Сегодня как раз такое утро. Я сижу у окна напротив солнца в центральной гостиной и дрожащими руками перетасовываю одну из своих колод таро. Но, в основном, я просто наблюдаю за жизнью на седьмом этаже. Пёрл сидит справа от меня на столе и с тихим

интересом разглядывает комнату.

Когда я впервые услышала о седьмом этаже, я представляла его как гробницу. Холодное белое место, еще более мрачное, чем остальная часть больницы, где люди лежат и увядают, потеряв последние крупницы надежды. Я провела здесь неделю и до сих пор не уверена, чем это место должно быть.

Дело не только в декоре, светлых окнах с прекрасным видом на город, душистых растениях в каждой комнате, скрывающих слабый, но отчетливый запах смерти. Если не обращать внимания на медсестер и помощников, на прикованных к инвалидному креслу обитателей с их кислородными баллонами и капельницами, кажется, что они делают все возможное, чтобы превратить это место во что угодно, только не в больницу. Кроме поста медсестры и небольшого смотрового кабинета, большая часть этажа отведена под собрания, кружки по интересам, и даже иногда занятия физическими упражнениями для тех, кто еще может стоять на ногах.

Более того, часы посещений здесь никогда не заканчиваются. В отделении едва ли шумно, но приходы и уходы незнакомых мне лиц достаточно часты, так что здесь почти никогда не остаются только пациенты и их помощники. Формально где-то есть списки разрешенных посетителей, но они лишь спрашивают гостей, нет ли у них каких-либо инфекционных заболеваний.

Все это напоминает мне о том, что я здесь единственный человек моложе сорока лет. У остальных есть жизни, которые они оставили после себя, люди, которые будут плакать, когда они умрут, и вспоминать их. Даже если смогу найти кого-то, кто мне не безразличен, нужен ли он мне сейчас? У нас будет лишь несколько месяцев вместе, может быть, год, а что потом? Что я смогу сделать за это время такого, что стоило бы переживаний?

Наверное, мои старые друзья были правы, что рано разорвали все связи.

Мужчина заходит в лифт, ему помогают родственники. А мне даже не разрешают уйти. В моем нынешнем состоянии подхватить что-нибудь заразное было бы очень плохо для меня, а я не готова списать себя со счетов и позволить случиться всякому.

Отвернувшись, я достаю карту из своей колоды и переворачиваю ее на столе. Шестерка Пентаклей[3]. Дары, обмен, щедрость и великодушие. В моем случае - обещание, что я смогу позаботиться о себе и выздороветь, если только попрошу о помощи. Я перебираю значения, альтернативные чтения, прочие идеи, над которыми я могла бы поразмышлять через призму этой карты, и все они возвращают меня к одному выводу:

Спасибо. Мне не нужно, чтобы и вы мне лгали.

Я убираю Шестерку Пентаклей в коробку для колод и начинаю тасовать остальные. Некоторые из моих книг настоятельно предупреждали о том, что ничего нельзя исключать. Вы "нарушите равновесие колоды", и ничто более не будет работать так, как должно. Что ж, и карты, и жизнь

никогда не были равновесными, и если вы не хотите, чтобы я жульничала, то перестаньте надо мной насмехаться.

— Ты часто гадаешь?

— А?

Кто-то стоял у моего стола. Женщина в комфортной одежде, которую еще можно назвать стильной; пожилая, но не совсем старая; ее седые волосы уложены в клиновидное каре. Ее внимание все еще приковано к картам, разложенным на столе, а не ко мне; вокруг ее прищуренных глаз образовались морщинки, пока она сосредоточенно разглядывала карты. Я не уверена, когда она появилась здесь, просто я ранее не придавала этому особого значения. Но я видела ее раньше, кажется, она ведет занятия по гончарному делу в одном из кабинетов искусства. Тем не менее, она первая пациентка, которая действительно начала со мной разговор.

— Не совсем... ну, да, просто я давно не делала этого ни для кого, кроме себя.

— Понятно. Мой сын любил всю эту старую народную магию, но он не притрагивался к ней с тех пор, как вышел из возраста Обещания. Могу я навязаться?

Не "если у тебя есть на это силы, если ты чувствуешь себя в форме, чтобы сделать что-нибудь сегодня". Она просто спросила.

— Хорошо, но я не могу обещать ничего захватывающего, — я сложила свою личную колоду, убрала ее подальше, и достала ту, которую использую для других людей, рассыпав ее в беспорядочную кучу. — Перетасуйте их, если не затруднит, — я бросила кивок в сторону сиденья напротив стола, и она быстро присоединилась ко мне.

— Я так и не узнала твоего имени, не так ли? Знаю только, что ты одна из нас, кого все еще здесь заботит одежда. Не представляю, как некоторые из них справляются, целый день таскаясь в пижамах и халатах, — она театрально застонала. — Незачем изображать из себя больных. Кстати, мне очень нравится это платье.

— О, я... спасибо, — я не думала об этом в таком ключе. Мне просто нравится, что у меня все еще есть право голоса хотя бы в одном вопросе относительно моего утра. Платье - один из моих стандартов, черно-белое, немного оборчатое, с большими вместительными карманами по бокам. — Я Лиадэйн.

— Нойрин Хирн. Можно просто Нойрин, — она заканчивает тасовать колоду и передвигает ее через стол, пятнистая сыпь выглядывает из вязаного рукава, когда она это делает. — Все готово?

— Нет, держите у себя. Будет лучше, если вы сами вытянете свои карты.

Нойрин пожала плечами.

— Как скажешь. У каждого своя рутина в этих штуках, верно? С чего начнем?

— Пока что с того, что я обычно делаю, когда не хочу слишком выделяться. Три карты: что было, что есть, что будет. Есть ли что-то конкретное, о чем вы бы хотели спросить себя, или вы просто хотели занять меня?

Она покачала головой.

— Ох, просто старая женщина немного предается ностальгии, по большей части. Давай начнем с нуля и посмотрим, к чему мы придем.

— Как хотите. Вытаскивайте первую карту из любого места, которое покажется вам верным. Порядок колоды на самом деле ничего не значит.

Нойрин переворачивает верхнюю карту и кладет ее в центр стола, показывая изображение в приглушенных масляных тонах - двух всадников в каноэ, плывущих из темного моря к освещенному солнцем горизонту. Шесть клинков прорезают рябь, оставшуюся после них, каждый из которых выходит за нижний край картины и сходится в точке прямо под лодкой, образуя треугольник.

— Шестерка мечей[4], — объявляю я. — Шторм и последующее за ним спокойствие. Потеря, возможно, и перемены, но перемены, ведущие к чему-то более светлому, чем то, что вы оставили. Это вам ничего не напоминает?

— Хм, хм, — нога Нойрин уверенно постукивает под столом. По ощущениям, она довольно долго молчала, ее взгляд был прикован к лодке в центре изображения. — Ну, когда я думаю об этом, то... ты не будешь возражать, если я немного поболтаю о своих проблемах?

— Давайте. Это как бы само собой разумеется.

— Спасибо, — Нойрин отрывает взгляд от карты, смотрит в окно с видом на городской пейзаж. — Я живу здесь уже около трех месяцев. Моя семья очень тяжело восприняла мое заселение, и с тех пор им не стало легче. Я знаю, я уверена, что в этом нет ничего особенного, но есть что-то большее. Они не... нет, неважно, — она вздыхает, качая головой. — Короче говоря, нам трудно договориться о том, как провести это время.

— Это то, откуда вам нужно исходить. Ваше обстоятельство. Судя по всему... пока что я просто отмечу, что эта карта также может означать извлечение уроков из того, что нельзя забыть, — я жестом показываю на колоду. — Когда будете готовы.

Открывается вторая карта: человек взбирается на гору по стержням из света, торчащим из нее как опоры лестницы, и добавляет вверх еще ступени вручную, продолжая карабкаться. Эта карта обращена ко мне, а не к Нойрин. Нахмурившись, она протягивает руку, чтобы перевернуть ее.

— Подождите, так и должно быть! — я прикладываю два пальца к карте, удерживая ее. — Перевернутая Девятка Жезлов[5]. Понятно?

— Хм, так все правильно? Мой сын никогда не переворачивал их таким образом, — она наклоняется вперед, пытаясь получше рассмотреть перевернутое изображение.

— У каждого своя рутина, как вы и сказали, — ее сын, вероятно, был одним из тех любящих и светлых натур, которые считают перевернутые карты "слишком мрачными", но нет необходимости подчеркивать этот момент. — Перевернутая карта - это как правило что-то, что находится не на своем месте по какой-то причине, чего-то не хватает, что-то неполноценно или перевешивает все остальное. Сейчас эта карта - та грань, где упорство превращается в упрямство, или где его не хватает там, где оно должно быть. Это разногласие. Это что-то, из-за чего вы не можете пойти на компромисс, или считаете, что не можете позволить себе отступить?

— Ну, вообще-то, да. Примерно все так и есть. Я знаю, что сейчас нам нужно, но я думаю, что они настроены так же решительно, и так сложилось, что у нас нет возможности принять оба варианта или сделать это по очереди.

— Что ж, к чему это приведет, — я киваю, указывая на колоду. Нойрин берет верхнюю карту. Но прежде чем перевернуть ее, она делает паузу, что-то обдумывая, и кладет ее обратно, а затем берет новую из середины, разрезая колоду.

Та, которую она положила, представляет собой туманное пространство вокруг небольшого круга, похожего на маленькое глазное отверстие в тумане, через которое видно, как девушка передает золотую чашу, наполненную цветами, мальчику. Под ними расставлены еще пять пустых чаш.

— Шестерка Кубков[6]. Ностальгия. Воспоминания о более простых и счастливых временах. Прежде чем я скажу что-нибудь, скажите, о чем вы подумали?

— О том, что странно видеть что-то подобное здесь. Это ведь должно символизировать будущее?

Я кивнула.

— Хм, — пауза, затем, — я все еще не совсем понимаю. Расскажешь мне?

— Я думаю, что здесь описано путешествие. Через безбрежное море, на гору, на которую невозможно подняться, назад к тому, что было до того, как началось все это злоключение. Возможно, не совсем так, как было раньше, но прошлое не всегда остается в прошлом, и, похоже, то, что было важным в нем, все еще существует для вас. Возможно, вокруг чего-то одного стоит стена, которую невозможно преодолеть, но у вас все еще есть все остальное. Если ваш спор не может быть выигран ни одной из сторон, и это не приносит никому пользы, возможно, вам стоит поговорить с ними о том, чтобы просто... принять это, отложить в сторону и делать как можно больше того, что всегда делало вас счастливыми вместе.

Я не могу быть уверена в этом, не зная точной сущности проблемы, она может оказаться настолько огромной или ужасной, что просто нет способа обойти ее, но это лучшее, что я могу сделать. Звучит достаточно хорошо.

Нойрин поджигает губы и подпирает подбородок, изучая теперь уже готовый ряд карт. Она молчит долгое время. Наконец, она поднимает на меня глаза, тепло и широко улыбаясь.

— Я, пожалуй, так и сделаю. Спасибо, Лиадэйн. Ты помогла прояснить по крайней мере несколько вещей.

— Ох, я ничего не сделала. Люди видят то, что им хочется видеть, вот и все, — я не собиралась выкладывать всю подноготную шоу, но это правда.

— Ну, если это работает, то какая разница, — она отмахнулась от этой мысли, продолжая улыбаться. — Тебе стоит делать это почаще. Мы, старые летучие мыши, ценим искренность, и порой нам не мешает быть честными с самими собой.

~~~

Так я и сделала.

Конечно же, Таро – это всего лишь игра с картами, полными красивых картинок. Никакая энергия или воля не движет этими картами. Они ничего не знают о тебе, и уж тем более о грядущем. Насколько я знаю, пророчеств не существует. Даже Хранители никогда не могли предсказывать будущее, в общем-то.

Так что единственная сила, действующая через карты, – это простая психология, но я все равно считаю их занятым инструментом для размышлений. Проведя много времени на больничных койках, где кроме чтения или просмотра Кораллового Моря мне нечем было заняться, я многому научилась, разбирая мешанину подлинных откровений и странной напускной мистической чепухи в моих книгах Таро. Образы, которые ты извлекаешь из кучи неясных символов, говорят о том, что ты думаешь, и иногда даже раньше, чем ты подберешь слова, чтобы выразить их правильно. Их ценность в том, что эти мысли учат тебя, а не в том, что они являются проблесками будущего, о котором никто ничего не знает.

К тому же, как только я стала часто открывать лавочку в своем уголке, медсестры немного поутихли, пытаюсь затащить меня на различную деятельность. Видимо, псевдогадание - достаточно социальное занятие, чтобы считаться таковым.

Мистер Энфилд владел приморским рестораном, которым он управлял большую часть своей жизни и продолжал заниматься, пока не стал слишком болен, чтобы работать. Было весьма вероятно, что семья оставит бизнес без его участия. Новое поколение нашло себе другое призвание, а шеф-повар, его ученик, предложил купить заведение. Я никогда не видела, чтобы этот мужчина проявлял видимое беспокойство по какому-либо поводу, как бы это ни странно звучало для такого места, но он пришел спросить, находится ли дело его жизни в надежных руках.

Улыбающийся старик неуверенной рукой кладет на стол последнюю карту. Паж Пентаклея[7]. Мое первое сегодняшнее гадание было настолько прямолинейным, что я задумываюсь, уж не приложили ли сами карты к этому делу руку. Немножко.

— Ах... какое облегчение. Я очень горжусь тем, что мы создали, но мне действительно пора бы уже убрать руки. Я хочу, чтобы моя семья помнила меня так же хорошо, как и мои клиенты, и ведь никто же не оглядывается на свою жизнь, жалея, что не провел на работе больше часов, не так ли? — мистер Энфилд издал тихий, хриплый смешок. — Знаете, мисс... иногда я думаю, не было ли все это к лучшему.

Если то, что последует дальше, будет каким-то вариантом "все происходит не без причины", меня стошнит.

Он продолжил. На нем надеты кислородные трубки, слова явно даются ему с усилием:

— Я уверен, что полагался на своих детей больше, чем собирался. В бизнесе, возможно, и во многом другом. Богиня знает, что бы я отдал за возможность проводить с ними больше времени, но... они пошли своими путями, и это нормально. Я должен смириться с этим, чтобы извлечь максимум из того, что у нас осталось. Мы теперь вместе, мы будем счастливы, сколько бы времени у меня не осталось, и мне не нужно беспокоиться ни о чем другом. Вещи, в конце концов, сами себя решают. Во всяком случае, я так думаю.

— Конечно. Рада помочь, — я собираю карты, забираю Пёрл и ухожу, не сказав больше ни слова.

~~~

Ее глаза открываются, и перед ней предстает сон о детях, резвящихся в своем святилище.

Хотя мысли ее подобны песчинкам, проходящим сквозь сито и по частям просачивающимся в отведенный ей сосуд, она прекрасно осознает свое предназначение. Она смотрит вверх на огромное одеяло из звезд, окутывающее этот мир, — мерцающие огоньки, сплетенные вместе

нитеми пустоты. Их бесконечный танец не волнует ту, что пробудилась здесь. Она думает только о своей цели. О причине своего существования.

Она обращает свой взор к городу, кишашему жизнью саду. Шпили всех форм и размеров раскинулись перед ней в хаотичных и одновременно упорядоченных скоплениях, прорастающих из земли, словно цветы из стекла и камня. Она смотрит и слушает. Внимательно, вкрадчиво, нежно, не сравнивая друг с другом. Тысячи сердец бьются в одном и том же ритме, как бы жестоко ни конфликтовали их души. Несколько из этих биений сердец возвышаются над припевом, направляя мелодию, и два из них звучат в ней сильнее всех остальных. Это прекрасно, в своем роде, но это не то, ради чего она здесь.

Нет, она ищет одно новое сердце, бьющееся в диссонансе с собственным рокотом.

Песня души, вызывающей к освобождению.

~~~

Мистер Энфилд умер через несколько часов. Я не знаю точно, что произошло, кроме того, что доктор Хайнс, директор паллиативного отделения, был бледен и хмур, когда уходил.

Уже за полночь. Я не могла уснуть, поэтому вышла побродить немного. Свет в коридоре приглушен почти до упора, но фактически комендантского часа здесь нет, и по крайней мере несколько пациентов всегда засыпают на диванах после того, как выключают на ночь телевизор. Медсестры все еще кажутся немного напряженными, они даже не бросают на меня обычных неодобрительных взглядов, как обычно бывает во время моих поздних ночных прогулок.

Интересно, чувствовал ли мистер Энфилд все то же самое, когда это случилось, или чувствовал ли он что-нибудь вообще? Многие люди в его возрасте ложатся спать и никогда не просыпаются.

Я также размышляю о его наследии. Очевидно, я никогда не встречалась с его преемником и не собираюсь. Кто знает, было ли все, что я ему сказала, правдой?

«Что будет с Пёрл, когда я умру?»

Почему-то из всех мыслей и страхов, крутящихся в моей голове, этот вопрос - один из самых настойчивых. Папа не захочет оставить у себя ничего из моих вещей. У меня не осталось ни друзей, ни семьи, с которой я близка, ни маленьких кузенов, которым я могла бы ее передать. Может быть, у Нойрин есть внуки, которым она понравится, но тогда мне придется выложить начистоту такие глупости женщине, которую я знаю всего несколько недель, а у нее наверняка есть свои дела, которые нужно уладить. К тому же, как я могу доверить заботу о ней незнакомому ребенку?

Это совсем не помогает. Я направляюсь обратно в свою комнату.

Всплеск.

— ...А?

Сразу за дверью в комнату мистера Энфилда раздается загадочный звук, похожий на внезапный шум камня, брошенного в озеро. Странно... эти стены достаточно хорошо звукоизолированы. Более того, там вообще никого не должно быть, да и что могло бы издавать такой шум, даже если бы и было? Что-то в трубах?

Кап.

Вот опять, оно с необъяснимым стуком раздается с интервалами, за которыми я не могу уловить никакой закономерности. На мгновение я решила, что это просто непрерывно капает вода из крана, который кто-то до конца не выключил, но потом все затихает без малейшего признака движения. Если я услышала звук капающей жидкости из-за двери, разве я не должна была услышать, как поворачивают ручку крана, чтобы выключить его? Или шаги того, кто повернул эту ручку?

Затем все повторяется. Всплеск стремительных коротких перестуков, словно сильный дождь бьет по окну. Мои колени напрягаются, а позвоночник становится жестким. Все это ощущается как-то неправильно.

Я робко стучу костяшками пальцев по двери и немного жду. Ничего. Затем, после более долгой, чем в прошлый раз, задержки, все начинается снова, и на этот раз не затихает, а... растягивается, превращаясь в звук, как будто размахиваешь руку в ванне, или, может быть, что-то волочишь по болоту.

Я дергаю ручку под устройством для считывания электрических карт и обнаруживаю, что она не заперта.

«Погоди, погоди, погоди!» — едва я приоткрыла дверь, как моя рука отдергивается назад почти сама по себе, словно я дотронулась до горячей печи. — «Остановись. Это неправильно, это опасно, это именно те тревожные знаки, о которых говорят, когда...»

Это происходит. Тошнотворное буйство цвета вырывается из-под двери, и словно вторая кожа, нагнаившаяся на ней, ползет вверх по ее длине и растекается по полу. Оно распространяется достаточно медленно, чтобы я успела отпрыгнуть назад, и пятнистая жижа поглощает плитку, на которой я стояла мгновение назад. Мне трудно сфокусировать взгляд - из-за ее присутствия мне трудно вообще что-либо воспринимать, трудно справиться с собственными чувствами. Коричневый цвет засохшей крови смешивается с живыми переливающимися оттенками серого, а отдельные участки нароста пузырятся, как лужа раскаленной грязи.

Ливень в моих ушах превращается в воющий поток. Словно барабан стучит громко и быстро, настолько, что раскалывает мою голову, смешиваясь с ритмичным стуком сердца о мою грудь. Я чувствую кислый запах в воздухе, и мне хочется блевать. От одного взгляда на это глаза жжет, но я не могу отвести взгляд. Даже когда грязь поднимается из себя, медленно вытягиваясь вверх, поднимаясь выше меня, я не могу отвести взгляд. Оно не позволяет мне.

Нечто нависает надо мной – тонкая, окутанная пеленой фигура, вылепленная из мокрой, сочащейся глины. Это существо не имеет лица, вообще никаких черт. Его тело раскалывается вдоль по центру, распахиваясь, будто пасть, в пустоту. Дюжина тонких черных конечностей, похожих на лапки насекомых, тянутся вверх через разрыв, вгрызаются в растрескавшуюся глину и начинают толкаться. Темная фигура выползает из грязи, как будто что-то внутри лияет...

— Лиадэйн! Уходи оттуда!

Низкий, ровный голос девушки звал меня, в нем ощущалась слабая тревога. Я не чувствую явного источника звука. Мне вообще кажется, что я его не слышала, а... кажется, это был чей-то внутренний голос? Что бы это ни было, этого хватило, чтобы на короткое время пробиться сквозь удушливую дымку паники. Я поворачиваюсь и бегу по коридору, сжимая на бегу Пёрл. Гул воды быстро стихает, но даже если это существо преследует меня, я не в состоянии этого узнать.

Через мгновение я врезаюсь в свою дверь и захлопываю ее за собой. Я сжимаю дверную ручку так сильно, что становится больно, и прислоняюсь спиной назад, вдавливая весь свой вес в дверь. Это длится несколько секунд, прежде чем мои ноги подкашиваются и носки скользят вперед, оставляя меня на земле обмякшей кучей. Все, что я могу сделать, это повернуть голову и прижать ухо к двери, дрожа и задыхаясь при этом. Здесь ничуть не безопаснее, оно все еще здесь, все еще прямо за дверью, все еще приближается к...

Но этого не происходит. Ничего не происходит. Мягкие, жидкие звуки полностью исчезли.

— Хорошо. Оставайся здесь, и я смогу защитить тебя. В данный момент.

...Я все еще не одна. Вслед за этими беззвучными словами я оборачиваюсь и смотрю на еще одну странную гостью. Она стоит рядом с моей кроватью, изучая мои карты Таро, которые я оставила на тумбочке. Ребенок? Грубая фигура маленькой девочки в тяжелом серо-голубом плаще, цвета моря в пасмурный день.

Когда я увидела ее лицо, я поняла, что девочка явно нечто другое. Ее кожа мраморно-белая, но гладкая и блестящая, как у дельфина, а кончики тонких усиков, спускающихся с ее головы, как волосы, окрашены в тускло-голубой цвет. Вместо носа у нее две ноздри, вдавленные прямо в кожу. Она смотрит на меня сапфировыми глазами без зрачков, с тонкими белыми ободками вокруг сплошных цветных кругов.

Что она такое? Не Хранитель - может быть, кто-то глубоко зашедший в Проявлении мог бы

оказаться таким, но она выглядит слишком молодой для Обещания, и более того, есть что-то крайне нечеловеческое в том, как она себя ведет. Ее взгляд опускается вниз, чтобы встретиться с моим, ее движения жутко плавные и точные - ее голова перемещается по наиболее оптимальному пути точно туда, куда нужно, и остается там, не двигаясь и не моргая. Предвестники не должны разговаривать, по крайней мере, так, чтобы в словах был хоть какой-то смысл, да и Предвестник уже съел бы меня или еще что похуже.

Остается только...

— Ты ничего не можешь сделать с тем, что ты только что видела, не в том виде, в котором ты есть.

— Но ты можешь стать большим, если захочешь.

Примечание:

1. Паллиативная помощь – неисчерпывающее, временное решение, полумера, закрывающее как «плащ» саму проблему — что отражает принцип паллиативной помощи: создание защиты от тягостных проявлений болезни, но не лечение самой болезни.
2. Средства неотложной терапии (терапии спасения) – это лекарственные препараты, которые применяются пациентам, если болезнь не реагирует на стандартную терапию. Препараты или комбинации препаратов для терапии спасения, как правило, имеют гораздо более серьезные побочные эффекты. Зачастую относятся к препаратам последней надежды (Drug of Last Resort.).
3. Пентакли – одна из четырех мастей младших аркан в таро. Группа карт символизируют сферу материальных потребностей и чувственных удовольствий человека. Шестерка Пентаклей – период процветания и благополучия в жизни гадающего, а также проявление щедрости и великодушия (как с его стороны, так и по отношению к нему).
4. Мечи – одна из четырех мастей младших аркан в таро. Группа карт символизируют сферу знаний, сил и интеллекта гадающего. Шестерка мечей – пришло время отпустить прошлое и двигаться дальше, руководствуясь разумом и логикой.
5. Жезлы – одна из четырех мастей младших аркан в таро. Группа карт символизируют сферу духовности, интуиции, творчества и амбиции. Перевернутая девятка жезлов – говорит гадающему, что он не любит рисковать и никому не доверяет; советует быть смелее и решительнее, но не забывать и про осторожность.
6. Кубки – одна из четырех мастей младших аркан в таро. Группа карт символизируют сферу

чувственных переживаний. Шестерка кубков – говорит гадающему, что он не любит рисковать и никому не доверяет; советует быть смелее и решительнее, но не забывать и про осторожность.

7. Паж Пентаклей – ваш труд будет вознагражден.

<http://tl.rulate.ru/book/88302/3460701>